

УДК 930.85; 821.161.1

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/49/61>

**РЕЦЕПЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
В ПРОЗЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ТАЙНА ТРЕХ: ЕГИПЕТ И ВАВИЛОН»**

©*Кузина Н. В.*, ORCID: 0000-0001-9094-7182, SPIN-код: 2069-8510, канд. филол. наук,
Центр египтологических исследований РАН, г. Москва, Россия, nvkuzina@mail.ru

**ANCIENT EGYPTIAN RELIGION IN THE MYSTERY OF THE THREE:
EGYPT AND BABYLON BY D. S. MEREZHKOVSKY**

©*Kuzina N.*, ORCID: 0000-0001-9094-7182, SPIN-code: 2069-8510, Ph.D.,
Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, nvkuzina@mail.ru

Аннотация. В статье, созданной в рамках общего проекта «Рецепция образов египетской истории и культуры в русской литературе XIX–XX вв.», произведен структурно–семиотический анализ центральной для творчества Д. С. Мережковского эмигрантской прозы «Тайна трех: Египет и Вавилон». Показано, как в эпоху распада религиозности в России автор пытается сопоставить несколько наиболее авторитетных религиозных систем древности. С помощью методики создания и описания частотных словарей художественной прозы анализируется лексический состав произведения, его семантические доминанты, основные высокочастотные темы, образы и мотивы. Рассматривается вопрос о рубрикации и сегментации произведения, выделяются основные композиционные особенности текста.

Abstract. Created as a part of a large project ‘Images of Egyptian history and culture in the Russian literature of 19–20th centurie’s, this paper presents structural semiotic analysis of D. S. Merezhkovsky’s fundamental book ‘The mystery of the three: Egypt and Babylon’ (Prague, 1925). It is shown how in the time of collapse of religiosity in Russia the novelist attempts to collate several of the most powerful religious systems of antiquity. On base of a word list by frequency, the book is analyzed in terms of its lexicon, semantic fields, main subjects, images and motifs. Sub-division of the novel and major compositional features of the text are also discussed.

Ключевые слова: Египетская история и культура, религиозные системы, частотный словарь, рубрикация текста.

Keywords: Egyptian history and culture, religious systems, frequency dictionary, text categorization.

Д. С. Мережковский, один из центральных представителей и вдохновителей философии «нового религиозного сознания» [1–5] в России начала XX в., описывал и одновременно анализировал, в основном художественными методами, историю формирования религии и религиозности как проявления личности [6–8] — как в созданных им исторических романах, так и в философско–религиозных эссе. Первым в его итоговом триптихе, представляющем суть философских представлений поэта о религиозности, состоящим из написанных в эмиграции философских эссе «Тайна трех: Египет и Вавилон» (1925), «Тайна Запада: Атлантида — Европа» (1930) и «Иисус Неизвестный» (1932), следует рассматриваемый нами ниже текст [9]. Является важным тот факт, что разрабатывая своими методами модель новой

религии для постреволюционной России, где рушатся все ценности, где основным становится социальный, не личностный уже, атеизм, выбирая основу для такого построения в качестве первой модели религиозной жизни Мережковский рассматривает именно религиозную систему Древнего Египта. Автор обосновывает выбор тем, что социальные отношения в постреволюционной России возвращаются в полудикий вид, в таком случае и для спасения необходимо также обращаться к первобытным и древним культурам, где и пытаться искать пути выхода из кризиса утраты религиозного чувства человеком новой эпохи — как на личностном, так и на социальном уровне [10].

Материал и методика

В исследовании применялась методика анализа лексического корпуса текста с целью выделения основных компонентов модели художественного мира автора, а также основных минимальных тем, мотивов и образов текста. Анализ лексического состава происходил с помощью частотного словаря, составленного с использованием компьютерного программного обеспечения, разработанного М. М. Михайловым (Тампере, Финляндия), облегчающего данный вид технической подготовки текста к исследованию, а именно — созданной в реляционной системе управления базами данных Microsoft Office Access программы Kokos, предусматривающей разбивку текста на лексемы и последующую лемматизацию с ручной доводкой случаев двойственной интерпретации отнесенности словоформы.

После составления частотного словаря текста использовался, в силу задач исследования, не сплошной учет рангов частотности лексем по убыванию, а анализировалась лишь наиболее частотная лексика: были выделены по 100 обладающих наибольшей частотностью существительных (минимальных тем), глаголов (мотивов), прилагательных, числительных и причастий (как слов, репрезентирующих образ, часто — близких к понятию «эпитет»). Выделялись семантические группы (поля) лексем, сюжетные темы и мотивы.

Применялась авторская методика анализа рубрикации и сегментации прозаического текста, ранее представленная автором работы при анализе русских романов и циклов рассказов середины XIX в. — середины XX в. С этой целью рассчитывалось количество словоформ, входящих в главку (именованный фрагмент текста), составлялись гистограммы, иллюстрирующие соотношение веса главок по числу входящих в них словоформ. Учитывалось, что вершинную роль играют — то есть являются главными в передаче смысла — главки (единицы структуры) с наибольшим весом по количеству словоформ (наиболее крупные). Самые меньшие по наполнению единицы рубрикации, как правило, отличаются стилистически или по жанру.

Результаты и их обсуждение

Текст эссе имеет трехчастную, как бы поддерживающую основную тему названия, структуру («Тайна трех», «Египет — Озирис», «Вавилон — Таммуз»), каждая из частей разбита на именованные главки – от пяти в первой, до шести во второй и третьей. В свою очередь главки разделены на отмеченные римскими цифрами компактные параграфы, каждый из которых представляет собой законченную мысль (по синтаксической структуре — от одного предложения до сверхфразового единства). Таким образом, текст имеет строгую, четкую структуру и трехуровневую рубрикацию, свойственную более романному жанру (или роману–эпопее), а также текстам, претендующим на жанровую номинацию как сакральных (Библия).

В первой части — «Тайна трех» наиболее крупной по объему является глава «Один, два и три», во второй части — «Египет — Осирис» — главы «Небесная радость земли» и «Тайна двух в Осирисе», в третьей части — «Вавилон — Осирис» — глава «Таммуз — тень воскресшего».

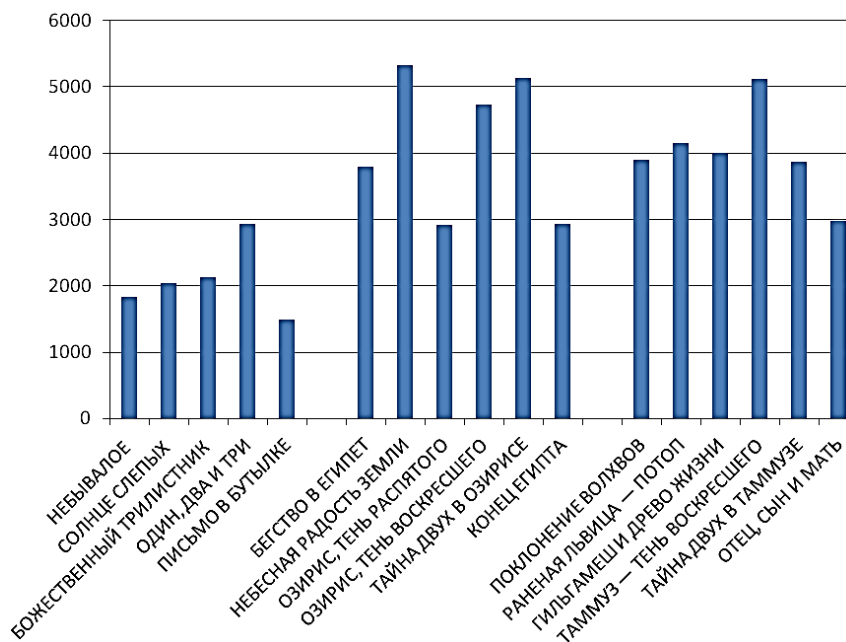

Рисунок. Гистограмма «Рубрикация прозы Мережковского «Тайна трех», сравнение количества словоупотреблений в главах.

Проанализируем содержание «несущих» (наиболее крупных) главок и главы, наименьшей по объему, содержащей обращение к читателю и описание задач прозы. Смысл названия автор раскрывает в первом из несущих основной смысл фрагментов — «Один, два, три»: образ «Трех» для Мережковского — не только образ Троицы, но в целом — образ трех сил, которые, по его представлению, в гармонии должна объединить, не отрицая ни одну из них, новая социальная религия: «Три Парки свивают три нити судеб человеческих — Личность, Пол и Общество. В одном узле три нити вместе связаны и только вместе развяжутся». В главке «Письмо в бутылке» Мережковский, вспоминая о споре с В. В. Розановым и о невозможности найти ответ о новой религии в христианстве, объясняет причины своего обращения к верованиям древности: «Эта книга есть взор, обращенный назад, далеко назад, до начала времен, потому что там начался тот всемирно-исторический путь, с которого мы так внезапно свернули в сторону. Назад, к незапамятной древности, обращен не только мой взор, но и воля моя. <...> Вот от чего я бегу в древность. Там твердыни вечные; чем древнее, тем незыблемей: римское железо, эллинские мраморы, вавилонские кирпичи, египетские граниты зиждутся на одном—единственном, в основании мира заложенном Камне. «Камень, который отвергли строители, сделается главою угла». Причина обращения к религиям древности — в том, что современная история России прекратилась, по мысли автора, и в ней нет уже потенциальных возможностей для возрождения основанных на религиозных практиках общественных отношений: «Стою над пропастью, куда провалилась Россия, тысяча лет русской истории. России нет — и нет для меня ничего. Умом я знаю, что есть, но сердцем чувствую, что нет ничего. У самых ног моих — пустота, провал, а за ним — страшная даль, до края небес, до начала и конца времен, до «Атлантиды» и «Апокалипсиса». Там, внизу, на дне провала, копошится муравейник нынешний, но уже ничто не заслоняет от меня седых исполинов древности, снеговых вершин человечества <...> Седые исполины древности, народы Востока, за что я вас так полюбил?

Не за то ли, что моя Россия с вами умерла и с вами воскреснет?». «Пограничный», «маргинальный» как для обыденного — в силу разрушения табу, так и для ортодоксального сознания, жанр данного эссе («странная книга») тоже определен для читателя в главке с минимальным весом — «Письмо из бутылки»: «Странная книга, почти невозможная, потому что написанная с точки зрения почти невозможной». В главке «Небесная радость земли» Мережковский цитирует персонажа романа Достоевского «Бесы» Кириллова о том, что человек не может перенести ощущение радости более пяти секунд, иначе погибнет, но иной путь, по мысли Мережковского, был в религии Египта: «По сравнению с Египтом мы физически переменились, но в обратном смысле: мы выносим эту радость пять секунд, а Египет — пять тысячелетий; мы покупаем ее страшной ценою — невероятным усилием, безумием, самоистязанием, подвигом, святостью, или, подобно Кириллову, «бесноватостью», а Египет получил ее даром, пришел с нею в мир». В данной главке Мережковский приводит слова из богослужения в египетском храме: «На земле радость небесная! В этих словах — весь Египет, потому что он весь небесная радость земли, «минута вечной гармонии»». Согласно Мережковскому, совершенная радость в религии Египта возможна потому, что она знала пути соединения «трех»: 1) личности, 2) пола и любви, 3) социальной жизни. Последовательно автор разбирает в данной главке вопрос о том, как происходило это соединение. Так, личность именно религия, по мысли писателя, в Египте подняла на недостижимую высоту (прежде всего в посмертном портрете как средстве сохранить индивидуальные черты лица умершего человека), так как «все искусство Египта пронизано единой волею воскресною; все оно — уже не искусство, не созерцание, а делание, величайшее из человеческих деланий — «воскрешение мертвых», подлинная «магия», животворящее солнце божественной «прелести–благодати». Для того-то и сходит искусство во тьму гробов, чтобы там, во тьме, зажечь это солнце <...> египтяне первые создали портрет, увидели и поняли лицо человека. Сфинкс, может быть, древнее пирамид <...> В лице Сфинкса — первое явление человеческого лица; и уже в этом первом явлении, так же как в последнем, окончательном, в лице Сына человеческого, исполненная Тайна Трех, тайна Воскресения, связана с тайною Личности, тайною Одного». Третья, социальная, составляющая «троицы Египта» воплощена для Мережковского в единении народном для преодоления смерти при строительстве пирамид. Писатель оспаривает традиционный взгляд на морально-этическую сторону процесса строительства пирамид, сложившийся в историографии: «Цари–пирамидостроители — «жестокие тираны», заставлявшие народ воздвигать бесполезные гробницы, памятники царской гордыни своей: по тому, что Геродот верит этой сказке, видно, до чего потерян уже эллинами ключ к египетской древности. Нет, не жестокие тираны эти цари, а освободители человечества от рабства тягчайшего — смерти, победоносные вожди к Воскресению. Если вообще оказалось возможным такое небывалое напряжение и сосредоточение духовно–физической силы целого народа, как пирамидное зодчество, то только потому, что здесь воля одного совпала с волею всех. И не в рабском унынии трудились эти 100000 человек в продолжение 20 лет над великой пирамидой Хеопса (Геродот), а в опьяняющей радости, в иступлении мудро–безумном, как бы в вечном восторге молитвенном. Не стенание жертв из-под камней этих слышится, а победный крик человечества, впервые увидевшего путь, прорезанный в небо острием пирамид». Еще одно, связующее, главнейшее из «трех», по Мережковскому, у египтян — это почитание животных как Бога, в том числе животной страсти в человеческом и даже «животного» соития (то есть почитание любви и пола): «Не заглянул ли здесь человек впервые в последнюю тайну природы, тайну развития, зачатия живого из мертвого, тайну того, что мы называем «мировой эволюцией»?» Тема животной радости и животного как божественного развивается

Мережковским во второй «несущей» главке — «Тайна двух в Осирисе». Начинает разговор о философии и почитании пола в Египте автор цитатой из Библии — из «Евангелия от Матфея»: «Не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их и сказал: будут два одна плоть» (Матф. XIX, 4–5). Но для Мережковского «Именно здесь, в тайне пола, в Тайне Двух, всего ощутительнее, при совпадении обоих Заветов в неподвижном догмате, в статике, их расхождение в движущей воле, в динамике». Эта заложенная в Библии двойственность — в христианском учении и в проповедях христианских подвижников — проблема пола и сакральности/профанности акта любви рассматривается нередко с противоположными оценками: ««Будут два одна плоть», сказано еще до грехопадения; когда же человек согрешил, пал, то пал на него и покров стыда и уже не подымется, пока человек не увидит «нового неба и новой земли». Только здесь, на этой глубине, в этой первой точке, сходятся оба Завета, а потом чем дальше, тем больше расходятся, и больше, чем где-либо, именно здесь, в поле, в Тайне Двух <...> Возможно ли богоощущение в поле, слияние половой чувственности с чувством религиозным? Невозможно, — отвечает опыт всей Сыновней святости; возможно, — отвечает опыт всей святости Отчей. Это и значит: два Завета сходятся только в неподвижной точке догмата, в статике, а в откровении движущем, в динамике, расходятся». Согласно Ю. Ю. Черных, в религиозной философии приверженцев нового религиозного сознания, религиозная проблема плоти была одной из центральных, ее вслед за Розановым Мережковский сближал с проблемой пола [11, с. 45]. Мережковский делает свой специфический вывод о значении пола в религиозном знании: «В сплошной стене, отделяющей тот мир от этого, пол есть единственное окно, открытое место: сам Бог открыл его в плоти Адама и опять «закрыл плотью», но уже иною, более прозрачную, как бы стеклом в окне. Через это-то стекло мы и заглядываем из этого мира в тот. Пол — единственное кровно-телесное «касание мирам иным». Половая жажда есть жажда познания, любопытство к трансцендентному. Адам вкусил от древа познания, древа смерти — «познал» Еву и умер. Так и мы познаем в любви смерть; в восторгах любви умираем заживо, уходим «туда», на краткий миг, и опять «сюда» возвращаемся. Но, чтобы вернуться, надо забыть то, что мы видели там. Мы забываем окончательно; египтяне смутно помнят. Смерть сквозь пол, пол сквозь смерть — вот богоощущение, богопознание Египта глубочайшее и наиболее противоположное нашему. «Будут два одна плоть» — будут, но еще не суть в любви рождающей, смертной, ибо умирает все, что рождается; будут — в любви бессмертной, воскрешающей». При данной интерпретации феномена любви в египетской культуре становится понятнее и знаменательная строка из стихотворения Вяч. Иванова, посвященного любви к умершей супруге (поэтическая книга «Cor Ardens», стихотворение «Любовь»): «Единых тайн двугласные уста, / Себе самим мы —/ Сфинкс единый оба». Итоговый вывод Мережковского, снимающего в рассуждениях о поле и религиозности в их соотносительности многие «табу» современного ему сознания в духе либертарианства и аморализма, сделан о прямой зависимости между отношением к полу и выбором для социальной системы между сторонами оппозиции «Жизнь» VS. «Смерть», о насущном в современном ему безрелигиозном социуме: «Весь древний Египет под знаком святого пола; мы под знаком пола проклятого; и смысл Египта — бесконечный мир, воскресение мертвых; а наш смысл — убийство живых, война бесконечная. Заповедь Египта: «воскресни», наша: «убей». Если мы хотим вернуться от смерти к жизни, то должны вспомнить о Завете Отчем, о святом поле». Писатель вполне в духе фрейдистской парадигмы «Эрос» VS. «Танатос» анализирует возможную идеальную взаимосвязь тайны личности и тайны пола в древних религиозных практиках, которые он мечтает до определенной степени возродить: «Тайна Одного в Тайне Двух есть личность в поле <...> Пол есть половина личности, мужская или

женская. Корень смерти есть половой расщеп, распад личности». Мережковский анализирует причины сакрализации обрезания, инцеста и андрогинизма в Египте: «в естестве пола заложена противоестественность, а может быть, и сверхъестественность. Кто-то здесь прошел и оставил во тьме светящий след: прошел оттуда, из вечности во время, и след — закон деторождения; прошел туда, из времени в вечность, и след — половое беззаконие в религиях». Для сознания Мережковского актуальная формула восприятия мотива преодоления границ полом в египетских религиозных практиках: «любовь сквозь смерть, сквозь смерть воскресение». В последней из несущих главок («Таммуз — тень воскресшего»), повествуя уже о шумерском Боге, Мережковский констатирует: «Таммуз и Озирис — не два бога, а один — той для нас неисследимой древности, доавилонской и доегипетской, когда эти два племени были одним». На примере обеих культур Мережковский приходит к вопросу и ответу на него: «Хорошо ли видит наш глаз? Ведь если тайна Одного, личность, связана с тайною Двух, полом, то в предельном утверждении личности, Воскресении, эта связь не может быть прервана». Эссе Мережковского выдает индульгенцию религиозно-мистическому учению Древнего Египта перед стремящимися к ортодоксальности религиозными практиками христиан XX в., указывая на по-своему истолкованную творческим сознанием писателя целесообразность обожествления личности, пола, социума, способных объединиться для преодоления смерти и реализации идеи Воскресения. Данные положения констатируются автором текста в философских построениях. Рассмотрим, однако, как они отображается в словаре эссе и насколько модель мира автора соответствует излагаемым им философско-религиозным идеям. Приведем здесь частотные словари лексем — наиболее частотных существительных, глаголов, прилагательных и причастий для прозы «Тайна трех: Египет и Вавилон».

Таблица 1.

ЧАСТОТА 100 СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРОЗЕ МЕРЕЖКОВСКОГО
 «ТАЙНА ТРЕХ: ЕГИПЕТ И ВАВИЛОН»

<i>Существительные</i>		<i>Существительные</i>		<i>Существительные</i>	
<i>Лексема</i>	<i>Част.</i>	<i>Лексема</i>	<i>Част.</i>	<i>Лексема</i>	<i>Част.</i>
Бог	594	Израиль	68	нога	36
человек	399	тьень	61	огонь	36
Египет	335	кровь	60	дом	35
земля	262	дух	59	Троица	34
мир	261	царь	58	точка	34
тело	209	сила	56	гора	34
сын	180	египтянин	55	муж	34
смерть	179	война	53	образ	34
тайна	151	миф	52	семья	33
пол	146	религия	51	жрец	33
жизнь	139	закон	50	бездна	33
солнце	138	год	50	быт	33
небо	138	народ	48	Завет	33
мать	122	таинство	48	язык	32
Вавилон	120	мистерия	48	бытие	32
любовь	116	камень	47	потоп	32
конец	110	христианство	46	радость	31
слово	109	младенец	46	ребенок	31
сердце	107	книга	45	смысл	31
человечество	101	царство	45	Господь	30

<i>Существительные</i>		<i>Существительные</i>		<i>Существительные</i>	
<i>Лексема</i>	<i>Част.</i>	<i>Лексема</i>	<i>Част.</i>	<i>Лексема</i>	<i>Част.</i>
лицо	100	древность	45	жертва	29
начало	99	звезда	45	надпись	29
день	98	рука	44	уста	29
отец	94	ночь	44	око	28
вода	93	мудрость	43	знание	28
свет	87	глаз	42	мумия	28
друг	84	жена	41	изображение	28
время	79	женщина	38	злак	28
путь	78	башня	38	фалл	28
богиня	78	ужас	38	истина	27
душа	78	гроб	38	существо	27
воскресение	75	ад	37	век	27
имя	72	Христос	37	стена	27
плоть	71	пирамида	37	место	27
личность	69	город	36	святилище	26

Таблица 2.

ЧАСТОТА 100 ГЛАГОЛОВ В ПРОЗЕ МЕРЕЖКОВСКОГО
 «ТАЙНА ТРЕХ: ЕГИПЕТ И ВАВИЛОН»

<i>Глаголы</i>		<i>Глаголы</i>		<i>Глаголы</i>	
<i>Лексема</i>	<i>Част.</i>	<i>Лексема</i>	<i>Част.</i>	<i>Лексема</i>	<i>Част.</i>
быть	465	отвечать	20	вернуться	13
мочь	219	происходить	19	возлюбить	13
сказать	154	соединять	19	вкусить	13
знать	150	находить	19	скорбеть	13
говорить	134	родить	19	погибать	12
видеть	78	смотреть	18	писать	12
увидеть	54	посвятить	18	прочесть	12
хотеть	49	сотворить	18	назвать	12
умереть	49	создать	18	опрокинуть	12
воскреснуть	49	молиться	17	следовать	12
казаться	48	наступать	17	сидеть	12
воскресать	34	убивать	16	остановиться	12
идти	33	поклоняться	16	поклониться	12
называть	33	воскрешать	16	открывать	12
делать	30	нисходить	16	повторять	12
понимать	29	открыть	16	существовать	12
сделать	29	наступить	15	обратить	12
плакать	28	узнать	15	повторяться	12
родиться	27	сойти	15	сходить	11
иметь	25	убить	15	поверить	11
соединяться	26	сделаться	15	ждать	11
забыть	25	приходить	14	выйти	11
поднять	24	чувствовать	14	разрушить	11
услышать	24	уходить	14	исполниться	11
стать	24	остаться	14	начать	11
рождаться	24	лежать	14	сообщать	11
выходить	23	изображаться	14	вторить	11

Глаголы		Глаголы		Глаголы	
Лексема	Част.	Лексема	Част.	Лексема	Част.
думать	22	принять	13	принести	11
совершаться	22	возвращаться	13	читать	10
взять	22	слышать	13	дышать	10
помнить	21	учить	13	двигаться	10
становиться	20	погибнуть	13	бросить	10
взойти	20	пройти	13	глядеть	10
познать	20			написать	10

Таблица 3.

ЧАСТОТА 100 ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПРОЗЕ МЕРЕЖКОВСКОГО
 «ТАЙНА ТРЕХ: ЕГИПЕТ И ВАВИЛОН»

Прилагательные		Прилагательные		Прилагательные	
Лексема	Част.	Лексема	Част.	Лексема	Част.
божий	123	должный	26	внутренний	14
первый	121	каменный	26	подземный	14
великий	114	противоположный	25	таинственный	14
вавилонский	111	тайный	24	сладкий	14
человеческий	110	звездный	24	многий	13
египетский	106	древнейший	24	окончательный	13
мертвый	98	черный	23	настоящий	13
вечный	93	русский	22	проклятый	13
живой	86	будущий	22	крепкий	13
божественный	67	солнечный	21	смутный	12
небесный	67	восходящий	19	сущий	12
древний	61	чистый	19	сокровенный	12
умерший	54	тонкий	18	никакой	12
святой	53	языческий	18	брачный	12
страшный	49	малый	17	неимоверный	12
последний	46	крайний	17	духовный	12
единый	46	пустой	17	нечистый	12
всемирный	45	троичный	17	безбожный	11
второй	45	простой	17	чужой	11
женский	45	надгробный	17	высокий	11
религиозный	39	бесконечный	17	божеский	11
мужской	37	исполинский	16	связанный	11
третий	35	отчий	16	прекрасный	11
трансцендентный	34	физический	15	бессмертный	11
единственный	32	допотопный	15	детский	11
глубокий	32	мировой	15	царский	11
священный	32	близкий	15	пресвятой	10
смертный	32	маленький	15	деревянный	10
христианский	31	воскресный	15	мудрый	10
подобный	28	возлюбленный	15	растерзанный	10
истинный	28	бесчисленный	14	четвертый	10
таковой	27	старый	14	внешний	10
современный	26	открытый	14	согласный	10
темный	26	точный	14		

Рассмотрим частотный словарь прозы Мережковского, сопоставляя картину мира, мотивику, образную систему, которые воссоздает верхняя часть («шапка») частотного словаря (первые 15 позиций по частоте употребления) и те, которые создает основной массив лексики (100 первых по частоте слов каждой из указанных знаменательных частей речи, называющих объекты действительности).

Анализ 15-ти существительных с наибольшей частотой, образующих основной «каркас» модели мира автора, указывает и на особенности условной «космогонии», развертывания данного мира: вначале в нем появляется Бог, затем человек, территория и культура - Египет (очевидно, и как аналог Эдема), творится земля и мир, в которых создается тело, появляется сын (сакральный и во многом – отсылающий к Библии образ), но пребывание в мире грозит смертью, имеет тайну, окрашено полом, который дает жизнь. Высшие точки тварного мира обозначены как солнце и небо (в том числе символика фараонов?), в мире есть мать, кроме Египта вторая точка притяжения — Вавилон. Классификация более широкого пласта существительных (100 наиболее частотных) в данной прозе позволяет выделить следующие семантические поля: 1) пространство; 2) телесное/отнесенное к выражениям пола; 3) мистическое; 4) время; 5) эмоциональная жизнь, — что уводит модель мира в эссе Мережковского далеко от христианской.

Анализ наиболее частотных минимальных мотивов (15-ти первых по частоте глаголов) словаря прозы (помимо используемых и как вспомогательные глаголов «быть», «мочь») указывает, что текст наполнен сакрализованной мотивикой, связанной в том числе с Библией: так, наиболее частотными в словаре являются глаголы, обозначающие говорение («сказать», «говорить» — см. «В начале было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог. Оно было в начале у Бога» (Ин. 1:1–2).), а также глаголы с семантикой воскресения («воскреснуть», «воскресать»). Анализ наиболее частотных минимальных мотивов первой сотни (100 глаголов с наиболее высокой частотой употребления) показывает, что в модели мира Мережковского человек выступает активным деятелем — проявляет себя как существо, способное как к сакральным актам («молиться», «поклоняться», «воскрешать», «поверить» и др.), так и к физиологическим («родиться», «рождаться», «родить», «убивать», «убить», «погибнуть», «погибать», «возлюбить», «дышать» и др.), чувствующее («плакать», «скорбеть»), владеющее когнитивными функциями памяти, мышления («понимать», «забыть», «думать», «помнить» и др.), также представлены мотивы действия на человека высших сил («сотворить», «нисходить», «сойти», «исполниться» и др.). Таким образом, конструируя мотивику текста, Мережковский в основном использует библейскую семантику и иерархию мотивов.

В системе наиболее частотных минимальных лингвистических образов (лексем, относящихся к таким частям речи и формам слова, как прилагательные, причастия, порядковые числительные) у Мережковского в тексте преобладают образы сакрального («божий», «божественный», «святой», «небесный»), вневременного или древнего («вечный», «древний», «вавилонский», «египетский» и др.), связанного с мотивом умирания («мертвый», «живой», «умерший»), а также хтонического (страшный). Расширение ряда анализируемых лексем, репрезентирующих минимальный лингвистический образ, до 100 наиболее частотных вводит также следующие семантические группы по общему значению: духовное восхождение («религиозный», «трансцендентный», «истинный», «тайный», «восходящий», «сокровенный», «духовный», «высокий» и др.), вероотступничество («безбожный», «проклятый», «языческий», «темный», «нечистый»), семейно-бытовые отношения («мужской», «женский», «отчий», «детский», «брачный»), будущее («современный», «будущий») и др.

Эпатирующий в целом текст эссе при более пристальном анализе оказывается построенным вполне в духе традиционных образных моделей Мережковского, экспериментирующего в области нового религиозного сознания, опираясь на традиционную христианскую образность и модель мира. Таким образом, анализ словаря наиболее частотной лексики эссе «Тайна трех: Египет и Вавилон» позволяет сделать следующие общие наблюдения:

1. Анализ «шапки» частотного словаря приводит к выводу, что Мережковский имеет религиозную картину мира, укладывающуюся в формулы христианского вероисповедания: модель мира, представленная через существительные, и основная частотная мотивика Мережковского отражают модель мира и мотивику христианского сакрального текста, включая, однако, в христианизированную модель мира топосы Египта и Вавилона, а также тематику и мотивику телесной жизни.

2. Сфера лингвистической образности даже при анализе «шапки» (наиболее частотных) позиций у Мережковского шире, чем образность христианская, это проявляется и в словаре наиболее частотных прилагательных, причастий, числительных. Образный ряд ориентирован на рефлексию над понятиями веры и вероотступничества, древности и будущего, мистических откровений.

3. Включение инокультурных, инорелигиозных тем, мотивов и образов происходит за счет лексики, обладающей высокой, но не наивысшей частотой употребления в тексте.

4. Несмотря на включенность в смысловой ряд достоверно переданных религиозных культов и обрядности Древнего Египта, Мережковский рассматривает их с позиции современного философа и религиозного деятеля, имеющего тесные связи с историческим христианством.

Заключение

Таким образом, обсуждая вопрос об особенностях трансляции в тексте эссе Мережковского сведений о религии Древнего Египта, необходимо отметить специфику ее рецепции писателем.

1. Сведения, приводимые Мережковским о религии Древнего Египта, изложены не системно, но в целом достоверно и выборочно отражают современный автору уровень знаний в египтологии.

2. Для Мережковского нет границ между религией и мифологией, изложение не разделено, более описываются мифологические практики, чем практики религиозные.

3. Особенности мифологических и религиозных представлений египтян определенного интересующего Мережковского периода переданы сквозь призму сознания современного религиозного мыслителя с высокой долей религиозной эклектики.

4. Пропуская религиозные представления египтян через призму собственного специфического творческого сознания, отчасти смягчая некоторые аспекты, отчасти – стараясь нарочито шокировать неподготовленного читателя, Мережковский, освещая древний «сакральный аморализм», как бы выдает ему индульгенцию и показывает преимущества даже такого (непонятого и не принимаемого носителями идей исторического ортодоксального христианства) древнего религиозного сознания над сознанием сугубо атеистическим.

Автор приносит благодарность инженеру Б. С. Шаповалову, участвовавшему в создании словаря текста, а также научному сотруднику университета г. Тампере (Финляндия) М. М. Михайлову — автору компьютерной программы.

The paper's author is deeply grateful to B. S. Shapovalov, an engineer who took part in building the word list, and M. M. Mikhailov, a research fellow of the University of Tampere (Finland) who developed the computer program.

Список литературы:

1. Розанов Н. П. О новом религиозном сознании: Мережковский и Бердяев. М., 1908. 35 с.
2. Бельчевичен С. П. Проблема взаимосвязи культуры и религии в философии Д. С. Мережковского. Тверь, 1999. 129 с.
3. Ахунзянова Ф. Т. Религиозные проекты в культуре Серебряного века и художественные формы их воплощения: Д. С. Мережковский и В. В. Розанов: дисс. ... канд. культурологии. Киров, 2006. 65 с.
4. Соловьев А. А. Интеллигенция и церковь в интеллектуальном поле России в конце XIX - начале XX века. Кострома, 2007. 161 с.
5. Москвина И. К. Критика философско-эстетических взглядов деятелей «нового религиозного сознания» - Д. С. Мережковского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова: дисс. ... канд. филос. наук. Ленинград, 1989. 211 с.
6. Анастасьева И. Л. Книга Д. С. Мережковского «Иисус Неизвестный» в контексте религиозно-философских исканий в России начала XX в.: дисс. ... канд. культурологии. М., 2000. 186 с.
7. Десяткова О. В. Идея свободы личности в культурологической концепции Д. С. Мережковского: автореф. дисс. ... канд. культурологии. Киров, 2006. 19 с.
8. Болдарева В. Н. Рождение персонализма из духа Нового времени: сборник статей по генеалогии богословского персонализма в России. М., 2018. 389 с.
9. Мережковский Д. С. Тайна Трех. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2017. 808 с.
10. Полевик Т. Н. Д. С. Мережковский: личность и творческий процесс в контексте восприятия истории: дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 270 с.
11. Черный Ю. Ю. Философия пола и любви Н. А. Бердяева. М.: Наука, 2004. 130 с.

References:

1. Rozanov, N. P. (1908). O novom religioznom soznanii: Merezhkovskii i Berdyayev. Moscow. (in Russian).
2. Belchevichen, S. P. (1999). Problema vzaimosvyazi kul'tury i religii v filosofii D. S. Merezhkovskogo. Tver, 129. (in Russian).
3. Akhunzyanova, F. T. (2006). Religioznye proekty v kul'ture Serebryanogo veka i khudozhestvennye formy ikh voploshcheniya: D. S. Merezhkovskii i V. V. Rozanov. Ph.D. diss. Kirov. (in Russian).
4. Solovev, A. A. (2007). Intelligentsiya i tserkov' v intellektual'nom pole Rossii v kontse XIX - nachale XX veka. Kostroma, 161. (in Russian).
5. Moskvina, I. K. (1989). Kritika filosofsko-esteticheskikh vzglyadov deyatelei 'novogo religioznogo soznaniya' D. S. Merezhkovskogo, N. A. Berdyayeva, S. N. Bulgakova: Ph.D. diss. Leningrad, 211. (in Russian).
6. Anastaseva, I. L. & Kniga, D. S. (2000). Merezhkovskogo Iisus Neizvestnyi v kontekste religiozno-filosofskikh iskanii v Rossii nachala XX v.: Ph.D. diss. Moscow, 186. (in Russian).
7. Desyatкова, O. V. (2006). Ideya svobody lichnosti v kul'turologicheskoi kontseptsii D. S. Merezhkovskogo: autoref. Ph.D. diss. Kirov, 19. (in Russian).

8. Boldareva, V. N. (2018). Rozhdenie personalizma iz dukha Novogo vremeni: sbornik statei po genealogii bogoslovskogo personalizma v Rossii. Moscow, 389. (in Russian).
9. Merezhkovskii, D. S. (2017). Taina Trekh. Moscow, Izd-vo Dmitrii Sechin, 808. (in Russian).
10. Polevik, T. N. (2005). D. S. Merezhkovskii: lichnost' i tvorcheskii protsess v kontekste vospriyatiya istorii: Ph.D. Chelyabinsk, 270. (in Russian).
11. Chernyi, Yu. Yu. (2004). Filosofiya pola i lyubvi N. A. Berdyayeva. Moscow, Nauka, 140. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 14.10.2019 г.*

*Принята к публикации
19.10.2019 г.*

Ссылка для цитирования:

Кузина Н. В. Рецепция религиозной системы Древнего Египта в прозе Д. С. Мережковского «Тайна трех: Египет и Вавилон» // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №12. С. 488-499. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/49/61>

Cite as (APA):

Kuzina, N. (2019). Ancient Egyptian Religion in The Mystery of the Three: Egypt and Babylon by D. S. Merezhkovsky. *Bulletin of Science and Practice*, 5(12), 488-499. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/49/61> (in Russian).